Пельтцер Т.И.

28.07.92.

БАБУШКА ИЗ «ЛЕНКОМА»

Мужчины плакали. Театр «Ленком» хоронил бабушку. Всеобщую любимицу. Татьяну Ивановну Пельтцер.

Когда запасы оптимизма у всех нас и без того изрядно поистощились — уходят последние люди, питавшие окружающих жизнелюбием и энергией.

Все мы в детстве смотрели по многу раз «Малыша и Карлсона», помним хорошо Фрекен Бок. Помним тетю Тони в комедии «Проснись и пой», самую бенефисную ее роль в Театре Сатиры. «Этот закон давно известен...» До сих пор крутится мелодия, озорная старушка с хитринкой в глазах порхает в танце.

Проснись и пой, тетя Тони...

А что скажет бабушка? — интересовался Марк Анатольевич Захаров на репетициях. Бабушка влюбилась в Захарова еще в 67-м году — молодой Марк Анатольевич ставил тогда в Сатире «Доходное место» Островского. И спустя годы она все-таки ушла к Захарову в Ленком. И стала украшением едва ли не всех его последующих спектаклей.

Забудешь разве Федоровну в «Трех девушках в голубом» Петрушевской? Те монологи, которыми потчует она собеседницу свою, Ирину (Инну Чурикову), словно для нее, Татьяны Ивановны, написаны. В речи ее — жизнь без конца без края, жизнь, сплавленная с бытом... Истории житейские, мудрые советы, сплетни — все идет нескончаемым потоком из уст Федоровны, эдакой современной сказительницы, Арины Родионовны. А живость ума, обаяние, доля ехидства, вечное озорство — все это не отпускает, заставляет внимать каждому слову.

А последний раз мы ее видели в «Поминальной молитве». И тревогой наполнялся зал, когда в финале Татьяна Ивановна Пельтцер — Берта опускалась на колени. И от быта, от рассказанной истории, от подробностей местечкового колорита мы поднимались в стихию надбытовую, очищающую... И подолгу аплодировали всем — Пельтцер, Леонову, Абдулову...

А выходить на сцену бабушке становилось уже все труднее. Хоть оставалась она по-прежнему образцом жизнелюбия, но было уже Татьяне Ивановне ни много ни мало — 88.... Перед началом каждой «Молитвы» вместе с Александром Абдуловым, играющим Менахема — Мендла, уединялись они в укромном уголке, по нескольку раз повторяли текст. И до спектакля другие артисты, гримеры, костюмеры вступить в разговор с Татьяной Ивановной не решались. Боялись даже поздороваться — чтоб не мешать ей лишний раз текст проговорить про себя. После спектакля сил уже оставалось едва-едва, чтобы домой добраться.

Только лишь в антракте удалось как-то раз фотографу Валерию Плотникову уговорить Пельтцер и Абдулова задержаться на минутку на сцене. Так родился этот снимок. Так запечатлен остался пример святого актерского братства.

Максим МАКСИМОВ

Смена - Санкт-Петербург - 1992 - 28 июля - с. 6